

ПЕЛЕВИНА КАТЕРИНА

ЕЁ

БЕССТРАШНЫЙ

Пелевина Катерина Её бесстрашный

<https://litres.ru/74221422>

Аннотация

Мою первую любовь забрали у меня вместе с неродившимся малышом. Я думал, что никогда больше не смогу полюбить и начать жизнь с чистого листа, но узнал её ближе... Младшую сестру друга... Надя Волкова – девочка-бомба. Чертовка с ореховыми глазами, способная вытрясти из тебя всю душу...

Нам. С тобой. Быть?

Первая книга – Бесстрашный. Хочу тебя себе.

Содержит нецензурную брань

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	13
Глава 2.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Пролог

(Рус)

Не знаю, сколько нужно сил, чтобы встать. Я до сих пор не могу этого сделать. Когда передо мной щёлкают пальцами. Что-то мне говорят. Пытаются спрашивать, я пребываю в состоянии протрации. Ничего не слышу, ничего не вижу. Не хочу жить. Во рту сухо. Горло дерёт. И меня самого разрывает на «до» и «после».

– Где Ваш телефон? Давайте позвоним родным? – звучит чей-то голос, эхом доносящийся до черепной коробки, а я бубню себе под нос:

– В огне...

«Я предупреждал, что заберу у тебя самое важное, Руслан. А теперь баю бай, ублюдок»... Эти слова не выходят из моей головы. Когда я его найду...

Больницей он больше не ограничится... И банальной смертью тоже.

– В машине кто-то был? – слышу вопросы на втором плане. Разговор каких-то мужиков в форме. Пожарные, скорая, менты. Все здесь.

– Обстоятельства выясняются.

Надо брать себя в руки и звонить всем. Звонить Грише... Надиным родителям, Киру... Твою мать...

Как сообщить им такую новость??? Как вообще с этим

можно жить дальше...

Чувствую себя месивом. Не человеком...

Так и сижу, пока вдруг не вижу перед собой Гришанину тачку.

– Рус, какого хрена?! – подлетает он ко мне, держась за голову. – Что произошло?! Я в новостях услышал.

– Он написал мне, Демид... Он дождался, когда я позвоню Паше... Видимо, мой телефон слушался и читался... Я не подумал об этом... Какой же я, блядь, кретин...

– Ладно... Успокойся. Разберёмся. Надя где?

– Ты издеваешься? Она там была... В машине, блядь... Демид.

– Нет, не было, – отвечает он, нахмурившись.

– В каком смысле не было? С чего ты взял?!

– Там криминалисты работают. Тачку потушили. Достали тело. Пашино тело. Больше ничьих там нет, Рус, – заявляет он, а у меня внутри штормовое предупреждение. – Я выяснил, как только подъехал. Звонил тебе – ты выключен. Надя тоже...

– Надя выключена? Ты уверен, что её там нет?

– Ну как они могли не заметить тело? Даже если разорвало, увидели бы.

– Дай мне телефон... Мне надо позвонить её матери.

– Уверен?

– Выбора нет, Гриша. Надо звонить. Потому что либо она не садилась в машину вовсе, либо её вытащили по дороге.

Вопрос, почему Паша не позвонил?

– Этого мы уже не узнаем, – заявляет Демид. Проницательный пидрила, блядь.

– Давай сюда телефон.

– Вот нахера свой угандошил? И вообще у меня нет её номера, – протягивает он мобилу, и я ищу нужный. Если бы он знал нахера... Знал бы каково мне было, когда я подумал, что она внутри. Я туда же хотел залезть. Прямо в горящую машину.

– Зато у тебя есть номер Кира... – выдыхаю я, и Демид смотрит на меня, округлив глаза.

– Ты чё... – он не успевает договорить. У меня нутро всё скручивает. Но не из-за страха перед Киром, а из-за страха за саму Надю.

– Кир? Это Рус. У меня для тебя новости. Не самые лучшие. Подруливай к пятисотке. Я там буду через десять минут. Это срочно, – он соглашается, я сбрасываю. Тянуть кота за яйца больше нет смысла.

– Ты ёбу дал? Я с тобой поеду, – тащится за мной Демид.

– Это ещё нахуя?!

– Потому что он тебя пристрелит нахер, – заявляет Гришаня, а мне смешно.

– Пристрелит да пристрелит. Значит веноч мне купишь.

– Придурок.

Мы садимся в его тачку и едем. У меня трясутся руки. Если её не было в машине... Это она писала мне последние

сообщения или кто-то другой? Могли ли они вытащить её по пути в аэропорт? Где тогда был Паша? Почему не предупредил? Что-то, сука, не вяжется во всей этой странной истории.

– Рус, я против, сразу говорю, – перебивает Демид. – Сейчас надо Надю искать, а не разборки устраивать.

– Это не разборки, Гришаня. Я должен ему рассказать. Иначе как мне её искать, блядь? Под предлогом кого? Хуя с горы?! – рявкаю я на него, скрипя зубами.

Он ничего мне не отвечает. Приезжаем на место, и я нервно выхожу из стороны в сторону. Даже не знаю, что буду говорить. Не планирую, надеюсь, что внутренний голос сам подскажет.

И едва новая тачка Кира подъезжает к пустырю на пяти-сотом километре вверх от аэропорта, где мы обычно встречаемся, Демид напрягается, а я мысленно отпускаю все свои прошлые опасения. Срать мне. Знаю, что втащит, и будет прав.

– Чё такое, пацаны? – выходит он и здоровается с нами по очереди. Смотрит напряженно. – По Филичеву чё-то?

– Нет, Кирюх, – мотаю я головой. – Это я... С Надей я. – сразу рублю правду-матку.

Мне кажется, он впадает в какой-то ступор. Смотрит на Гришу, потом медленно переводит взгляд на меня.

– Чё? – переспрашивает, будто слышалось.

– Так вышло. Можешь втащить мне, но сейчас ты должен позвонить матери. Потому что мою машину сегодня подо-

рвали, когда я думал, что Надя едет на ней в аэропорт ко мне... Но её тела там не нашли... – отвечаю я, Кир хмурится. Сплёвывает в ноги и через секунду жёстко даёт мне в торец с кулака. Глаза автоматически наливаются кровью. Я слишком зол на всю ситуацию в целом. Не хотел отвечать. Не хотел, блядь, Бог – свидетель, но что-то внутри заставляет ударить в ответ. И начинается полноценный жёсткий спарринг. Демид орёт на нас, чтобы успокоились, а мы пиздим друг друга и скручиваем прямо на грязной земле.

– Сука, какая же ты – падла, Рус, – переворачивает меня Волков, но я тут же заваливаю его сверху и снова бью в морду.

– Бля, Кир. Я люблю её... Успокойся ты нахуй, – пытаюсь его утихомирить, но когда он буйный, сделать это чертовски тяжело. И он успевает дать мне с калгана прямо в нос. Сука.

– Я вас щас обоих урою, блядь! – Гришаня оттаскивает его, а он не унимается. – Волков, нахер!

– Любишь, блядь... Любимый... Во что ты её втянул?! Гондон, блядь, ты, Рус! Вот ты кто! – выпаливает Кир, достав из заднего кармана телефон. – Мы не закончили, блядь! – кидает он мне, и я показываю ему средний палец, а Гришаня толкает меня в плечо.

– И ты успокойся, нахуй. Провокатор, сука.

Я сплёвываю кровь, Кир тоже. Звонит матери и пытается успокоиться.

– С сумкой уехала? Ладно...Понял. Ничего пока, успо-

койся. Просто спросил, – отвечает он и сбрасывает.

– Сука, если не найдёшь мою сестру, я лично тебя закопаю, Адов.

– Если не найду, я сам себя закопаю, – кидаю ему в ответ. Демид закрывает меня от него, и я толкаю его в плечо. – Бля, да прекрати ты! Хули как ребёнок?!

Стою и мну рожу, размазывая по ней кровь.

– И ты знал, что они ебутся, выгораживал его? – спрашивает волчара, а у меня ещё сильнее кулаки чешутся. Просто потому что он позволяет себе о ней так говорить...

– Это не ебля, блядь, Кир. Я в последний раз скажу. Я люблю твою сестру. Нихуя доказывать не собираюсь. Сам всё увидишь. Но в обиду её я не дам. И говорить о ней такие вещи тоже.

– Где же ты был, герой, когда её насиловали, нахуй?! Где ты был, выблядок?! Ах, ну точно... С Линой ведь. Как я мог забыть... Той, которую тоже любил... – выдаёт он сгоряча, а у меня вдруг мощнейший ступор возникает. Я просто смотрю на него и не могу говорить. Да хули там... Я даже дышать не могу. Мой цветок. Моя Надя... В смысле насиловали? Как? Когда? Сам же Кир меняется при этом в лице. Его самого не хило трясёт. Особенно после этих слов. И я, кажись, впервые понимаю, почему у него такие проблемы с психикой.

– Кир... – прерывает его Гришаня, обхватив за плечо.

– Если с ней что-то случится... – его голос дрожит, а я так

и пытаюсь переварить то, что услышал.

— Кто? — спрашиваю, и он смотрит на меня волком. Глаза красные у обоих. Если скажет хоть одно имя...

— Это было давно. Их нет в живых после этого, — отвечает он, и наконец до меня начинается всё доходить... Как по щелчку пальца собираются в цепь маленькие стальные звенья.

«Я всегда хотела, чтобы ты был первым... Всегда... Как только начала думать о сексе...

Зачем тогда дала другому?

Не хочу плакать и впредь говорить об этом. Просто будь со мной, Руслан. Просто будь»...

Какой же я кретин... Как легко это было понять... По её словам. По её глазам. Мне и перед ним теперь стрёмно... Потому что я, идиот, ничего не сопоставил тогда и не понял.

— Бля, Кир, я не знал... Она не говорила. Если бы я знал...

— То, что тогда? Не стал бы её трахать?! Сказал бы правду сразу? — выплёвывает он, повиснув на Гришанином плече, пока тот буквально удерживает его, потому что ноги Волкова не держат.

— Это другое... Я тебе клянусь, что другое...

В горле образуется удушливый ком. Нестерпимо хочется курить и я достаю сигареты, протягивая по одной и Киру, и Демиду. И мы все троём начинаем дымить, безмолвно объявляя перемирие. А я всё ещё кручу в голове слова Глеба, которые запомнил...

«Из-за тебя же тогда попала... Всегда тебя любила». Зна-

чит ли это, что в её изнасиловании виноват я? Что тогда, мать вашу, произошло?

– Кто подорвал твою машину? – нарушает тишину Кир.

– Та самая сеструха и Баталов...

– Который англичанин что ли?

– Да... Он самый.

– Есть идеи, нахрена они так сделали? И где Надя может быть?

– Пока нет... Но я глаз не сомкну пока не верну её, я тебе обещаю, Кир, – я протягиваю ему руку, а он искоса смотрит на неё. Не жмёт.

– Я этот союз не принимаю. Не могу принять, – отвечает он, сжимая челюсть. – Пока с сестрой не поговорю, вообще не хочу твою рожу видеть. Я поехал сам искать. Будут новости, звоните.

Он садится в тачку, а Демид хлопает меня по плечу.

– Красава, Рус, ничё не скажешь...

– Да заткнись ты, самому тошно... Поехали.

– Куда?

– Мне нужен новый телефон. И обдумать всё. Кто, куда, зачем и почему. Хочу посмотреть камеры на выезде из жилого комплекса...

И вот когда мы с Гришаней приобретаем новый телефон, а затем едем и приплачиваем охране, чтобы просмотреть записи, то видим, как моя яркая королева, гордо вздёрнув вверх подбородок, катит по улице свой чемодан на колёси-

ках и спорит с Пашей, пока он медленно едет за ней. Жаль, что нельзя услышать звук, но я и так прекрасно понимаю, что в его ёбанную машину она не садилась...

Она ушла куда-то сама и пешком, блядь...

Наплевав на то, что я жду её в аэропорту...

Выходит... Я так сильно её обидел, что случайно спас ей этим самым жизнь?

Глава 1.

(Надя)

Не хочу его видеть. Не хочу больше знать. Ненавижу!

Предатель, скотина, эгоист!

А как смотрел... Как трогал, как притворялся... Говорил, что единственная.

У меня внутри всё бомбит из-за этого. Как же можно сначала так в себя влюбить, а потом вот так поступать???

– Ты успокойся, малышка... Я всё понимаю... Пей давай, – Ольчик суёт мне в руки бокал, а я напиваюсь до вертолёттов. Пусть теперь ищет меня, где хочет, и с мамой моей самой объясняется. Я на все две недели здесь останусь. Сволочь беспринципная, козёл! Ненавижу.

– Оля, давай позвоним каким-нибудь классным парням, а... – не вяжу лыком, а она ржёт надо мной.

– Наденька, зачем? Чтобы они смотрели, как ты блюешь? – издевается она, глядя на меня, и кривит губы. Иногда она бывает жуткой занудой, но сейчас, похоже, права.

– Да иди ты... Ольчик... Мне так плохо... Он меня никогда... Никогда меня не любил, – рыдаю я, роняя из рук бокал прямо на кровать. Она матерится и вытирает за мной мокрое пятно, а я продолжаю нить, пачкая тушью её белоснежную подушку.

– Ты – ходячая катастрофа... С чего ты взяла это? Муж-

чины, они ведь полигамны...

– Я ему это «полигамны»... засунула бы в одно место...
Никогда не прощу. Никогда. Пошёл он нахрен. Назло буду с
Ширяевым встречаться. Прямо сейчас позвоню!

– С кем?

Я открываю телефон, но перед глазами всё плывет. Чёрное пятно...

– Он что выключен? – бормочу я еле-еле. Голова кружится, как заведённый электрический волчок.

– Ну конечно, ты же без звонка приехала. Просто нагло ввалилась в мою квартиру, – смеётся она, поглаживая меня по голове.

– Успокойся, Надя... Может, ты что-то неправильно поняла...

– Ненавижу... – на этих словах я приземляюсь на подушку и проваливаюсь в сон.

Я открываю глаза от яркого солнца, долбящего в лицо и чувствую огромное пятно слюней на подушке, а передо мной сидит встревоженный Кир, который просто терпеливо ждёт, когда я очнусь от алкогольного коматоза. Его фигура кое-как появляется из сумрака моего сознания, и я истерично вздрагиваю.

– Надя... – смотрит он исподлобья, и я подрываюсь, вытирая лицо от слюней.

– Боже, что ты тут делаешь?! – выпаливаю в растерянно-

сти, рыская по кровати руками в поисках опоры.

– Я приехал по звонку твоей подруги...

– Надь, прости. Ты отключилась, а я испугалась... – пищит она, а я смотрю на неё как на врага народа.

– Нам надо поговорить, – заявляет Кир взволнованным тоном.

– Ты что подрался? У тебя синяк и бровь разбита, – хмчусь я, разглядывая его, и по выражению его лица вижу, что что-то не так. Мне вдруг становится не по себе.

– Оль, мы поговорим немного, можешь нас оставить? – прошу я её, и она выходит из комнаты, а я смотрю на Кирилла виноватым взглядом.

– Это правда? Рус? Серьёзно? – спрашивает он, и мне вдруг становится больно дышать.

Я в страшном сне не могла себе такого представить. Точнее, что вот так с похмелья меня застанут врасплох, да ещё и после нашей с ним ссоры.

– Откуда ты... С чего ты взял? – дрожу я, нахмурившись. Мне и так плохо после выпитого, а сейчас ещё и этот страх. Тошнит и дурно.

– Надя... Он позвонил. Ты хоть знаешь, что произошло?

– В смысле? – сглатываю я. – Что произошло?

– Вчера та машина, на которой ты должна была ехать, взорвалась прямо в аэропорту, Надь... С Пашей внутри.

– О, Господи, Паша умер??? Как Руслан?! Он живой?! – вцепляюсь я в его рукав. И Кир злится, но не ругает меня.

Терпит. Видимо, профилактика Сони пошла ему на пользу.
– Он живой, А Паша мёртв, да. Как ты могла мне не сказать?

У меня от этих новостей волосы дыбом. Паша, Господи... Как же его жаль. Какой жуткий кошмар.

– Я собиралась... Мы собирались... После путешествия... Но потом. Всё пошло не по плану... Я не села в машину... И, о чёрт, – я прикрываю рот рукой. – Я что... Могла умереть?

– Могла, Надь... Уже второй раз могла. У тебя очень сильный ангел-хранитель, Гербера. Но выбор... Твой выбор просто ужасен... – заявляет он с болью на лице. И мне жаль, что он узнал об этом вот так.

– Я... Я понимаю. Я уже не хочу с ним быть, мы не вместе, – хмурюсь я, на что Кир нервно смеётся.

– Не вместе? А Рус это знает? Потому что мне так не показалось... – цедит он, и я взволнованно дрожу.

– Что он тебе сказал? Вы с ним подрались?

– Подрались. Сказал, что любит тебя. А ты говоришь, что не вместе... Как понимать?

– Любит... Так и сказал? – я поднимаю на него глаза, из которых льются слёзы. – Он сказал, что любит?

– Сказал... А ты ничего ему не рассказывала... Ты не говорила ему про то, что случилось с тобой...

На этих словах у меня и вовсе всё внутри каменеет. Я чувствую себя живым мертвецом.

О, боже. Нет. Кир, что ты наделал...

– Кир, ты ведь... Ты же не говорил, правда? Скажи, что не говорил... – испуганно замолкаю я, глядя на него с бешеной тревогой. Сердце скачет внутри, словно зверь, запертый в клетке. А голос дрожит от эмоциональной бомбы, которая уже вовсю тикает внутри.

– Я сказал, Надя. И пусть он знает, что с тобой нельзя абы как...

– Кирилл, зачем ты так?! Я только перешагнула... Думала, что могу жить нормально! Думала, что всё позади... А ты просто... Ты...

Я плачу. Слёзы застилают глаза. Мне не просто больно, мне так липко и неприятно, что я хочу скинуться из окна.

– Надь, я хотел уберечь тебя. И он должен был знать...

– Нет, не должен был! Не должен! Ты понимаешь, что ты всё сломал?! Как он теперь будет смотреть на меня?! С постоянной жалостью, Кир! И я буду такой же! Сломанной, грязной, уничтоженной, жалкой! Чего ты добился этим жестом, чего?! Тебе стало легче?! – выкрикиваю ему в лицо и начинаю задыхаться. – Уходи отсюда! Проваливай! Я видеть тебя не хочу! Вас всех не хочу! Ненавижу вас всех!

– Надь... – он пытается взять меня за руку. Голос его тоже дрожит, но я так его ненавижу, что не могу простить такой поступок.

– Ты хоть понимаешь, чего стоило через всё это пройти?! Преодолеть эту боль и стать собой?! Я люблю Руслана уже миллион лет! Я его люблю! Его одного! И мне нужно было

это восхищение в глазах, которое я видела! Мне нужно было уважение и здоровые целостные отношения! Чтобы забыть. Чтобы не бояться! Ни мужчин, ни людей вокруг! А ты просто... Слил меня. Тебе нелегко?! Ты так думаешь?! А ты хоть раз пробовал залезть в мою шкуру и понять, каково это, когда хочешь казаться сильной, когда делаешь все, чтобы жить как все и забыть! А твой старший брат ломает твои мечты, словно они из песка! Надеюсь, тебе стало легче, когда ты высказал. Надеюсь, я больше никогда вас обоих не увижу...

Я разворачиваюсь и ухожу в ванную комнату, закрывшись внутри на щеколду. Включаю воду и реву, съедая всё внутри себя вместе со слезами. Я так устала от этого. Что происходит с моей жизнью? Я хочу быть другой. Сильной. Независимой. Но вместо этого ощущаю лишь пепел. Кое-как мне удастся взять себя в руки. Я выключаю кран, а когда выхожу оттуда, вижу только испуганную Олю.

– Надь, прости... Он ушёл. Всё хорошо? Я просто решила, что хотя бы родные должны знать, где ты... Прости... – оправдывается она снова и снова, но мне уже всё пофиг. С одной стороны я понимаю её испуг и не злюсь.

– Всё в порядке. Я больше не хочу быть с ними связана, дай мне телефон, пожалуйста...

– Зачем? – испуганно восклицает подруга.

– Я хочу купить себе билет и улететь из России, Оля. Навсегда...

Глава 2.

(Рус)

Когда я злой и бешенный приезжаю к её подружке, она открывает дверь в панике и смотрит на меня, не моргая. Кажис

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.